

Омар Хайям
—
Рубайат

Москва
2022

УДК 821.222.1-1
ББК 84(5Ирн+5Тад)-5
Х15

Перевод с фарси
Германа Плисецкого (1-450)
и *Осипа Румера (451-711)*

Художественное оформление серии
Степана Костецкого

В оформлении переплёта использована иллюстрация
художника *Edmund Joseph Sullivan* (1869–1933)

Хайям, Омар.
Х15 Рубайат / Омар Хайям; [перевод с фарси Г. Плисецкого,
Осипа Румера]. — Москва : Эксмо, 2022. — 224 с. — (Яркие
страницы).

ISBN 978-5-04-169025-0

В поэтический сборник включены бессмертные четверостишия Омара Хайяма, классика персидской поэзии, великого философа, астронома и математика. Их веселая мудрость не скудеет с веками. Рубайи Омара Хайяма опьяняют, как воспетое в них вино, они так же нежны и дерзки, как объятия воспетых в них красавиц. На протяжении многих столетий они привлекают ценителей изящного своей драгоценной словесной огранкой. В филигранном четверостишии Хайяма умещается весь летучий жизненный маршрут человека, отражены метания любой мыслящей души: веселый спор с Судьбой и печальные беседы с Вечностью. Хайям сделал жанр рубаи широко известным, довел эту поэтическую форму до совершенства и оставил потомкам вечное послание, проникнутое редкостной свободой духа.

УДК 821.222.1-1
ББК 84(5Ирн+5Тад)-5

- © Плисецкий Г., перевод
на русский язык. Наследник, 2022
- © Румер О., перевод
на русский язык. Наследники, 2022
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-169025-0

1

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно! —
Вот последняя правда, открытая мной.

2

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

3

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

4

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

5

5

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки, в лавке гончарной, кричит без конца:
«Где, – кричит он, – гончар, продавец, покупатель?
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

6

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! – кувшин безутешно вопил. –
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха –
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

7

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным вазиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, –
Грудь умершей красавицы или щека...

8

Когда плачут весной облака – не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

9

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

10

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется — строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!»

11

Управляется мир Четырьмя и Семью.
Раб магических чисел — смиряюсь и пью.
Все равно семь планет и четыре стихии
В грош не ставят свободную волю мою!

12

В колыбели — младенец, покойник — в гробу:
Вот и все, что известно про нашу судьбу.
Выпей чашу до дна — и не спрашивай много:
Господин не откроет секрета рабу.

7

13

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

14

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей – будь счастлив теперь!

15

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

16

Как жар-птица, как в сказочном замке княжна,
В сердце истина скрытно храниться должна.
И жемчужине, чтобы налиться сияньем,
Точно так же глубокая тайна нужна.

17

Вместо сказок про райскую благодать
Прикажи нам вина поскорее подать.
Звук пустой – эти гурии, розы, фонтаны...
Лучше пить, чем о жизни загробной гадать!

18

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
Чем не рай тебе – эта лужайка земная?
После смерти едва ли в другой попадешь...

19

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта –
Берегись, ибо колья палатки слабы!

20

Те, что веруют слепо, – пути не найдут.
Тех, кто мыслит, – сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О невежды! Дорога не там и не тут!»

21

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

22

Недостойно – стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайяма ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

23

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего –
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

24

Вижу смутную землю – обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблеставших и ставших добычей червей.

25

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

26

Все, что видим мы, – видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна.

27

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь –
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

28

Удивленья достойны поступки творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

29

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего не измерим.

30

В поднебесье светил ослепительных тьма,
Помыкая тобою, блуждает сама.
О мудрец! Заблуждаясь, в сомненьях теряясь,
Не теряй путеводную нитку ума!

31

Так как истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг,
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!

32

Ты с душою расстанешься скоро, поверь.
Ждет за темной завесою тайная дверь.
Пей вино! Ибо ты — неизвестно откуда.
Веселись! Неизвестно — куда же теперь?

33

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

34

Когда с телом душа распростится, скорбя,
Кирпичами из глины придавят тебя
И бездушное, ставшее глиною тело
Пустьят в дело столетие погоды.

35

Где мудрец, мироздания постигший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Все равно ничего достоверного нет —
Только саван, в который ты будешь одет...

36

Тот, кто следует разуму, — доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

37

Здесь владыки блистали в парче и в шелку,
К ним гонцы подлетали на полном скаку.
Где все это? В зубчатых развалинах башни
Сиротливо кукушка кукует: «Ку-ку»...

38

Этот старый дворец называется – мир.
Это царский, царями покинутый, пир.
Белый полдень сменяется полночью черной,
Превращается в прах за кумиром кумир.

39

Где Бахрам отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

40

Если низменной похоти станешь рабом –
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и – куда же потом?

14

41

В прах судьбою растертые видятся мне,
Под землей распростертые видятся мне.
Сколько я ни вперяюсь во мрак запредельный —
Только мертвые, мертвые видятся мне...

42

Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

43

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

44

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
Положил в колесо. Ты — безумец, ей-ей!

45

45

Я кувшин что есть силы об камень хватил.
В этот вечер я лишнего, видно, хватил.
«О несчастный! – кувшин возопил. – И с тобою
Точно так же поступят, как ты поступил!»

46

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала.
«Не топчи меня! – глина ему говорила. –
Я сама человеком была лишь вчера».

47

Поглядите на мастера глиняных дел:
Месит глину прилежно, умен и умел.
Приглядитесь внимательней: мастер – безумен,
Ибо это не глина, а месиво тел!

48

Сей кувшин, принесенный из погребка,
Был влюбленным красавцем в былые века.
Это вовсе не ручка на горле кувшинном,
А обвившая шею любимой рука.

49

Ни держава, ни полная злата казна
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна –
Не дороже затычки от кувшина!

50

На зеленых коврах хорасанских полей
Вырастают тюльпаны из крови царей,
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей...

51

В этой тленной Вселенной в положенный срок
Превращаются в прах человек и цветок.
Кабы прах испарялся у нас из-под ног –
С неба лился б на землю кровавый поток!

52

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась –
И уже осыпается роза моя.

17

53

Половина друзей моих погребена.
Всем судьбой уготована участь одна.
Вместе пившие с нами на празднике жизни
Раньше нас свою чашу испили до дна.

54

Книга жизни моей перелистана – жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность – птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

55

Мастер, шьющий палатки из шелка ума,
И тебя не минует внезапная тьма.
О Хайям! Оборвется непрочная нитка.
Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.

56

Мы – послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене Всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

57

Даже гений — творенья венец и краса —
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди — покуда стоят небеса!

58

Люди тлеют в могилах, ничем становясь.
Распадается атомов тесная связь.
Что же это за влага хмельная, которой
Опоила их жизнь и повергнула в грязь?

59

Я спустился однажды в гончарный подвал,
Там над глиной гончар, как всегда, колдовал.
Мне внезапно открылось: прекрасную чашу
Он из праха отца моего создавал!

60

Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна,
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

61

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

62

В детстве ходим за истиной к учителям,
После — ходят за истиной к нашим дверям.
Где же истина? Мы появились из капли.
Станем — ветром. Вот смысл этой сказки, Хайям!

63

О невежды! Наш облик телесный — ничто,
Да и весь этот мир поднебесный — ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
Ибо миг в этой камере тесной — ничто!

64

Все, что в мире нам радует взоры, — ничто.
Все стремления наши и споры — ничто.
Все вершины Земли, все просторы — ничто.
Все, что мы волочем в свои норы, — ничто.

65

В этом мире ты мудрым слывешь? Ну и что?
Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
Дó ста лет ты намерен прожить? Допускаю.
Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?

66

Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто.
Что от прóжитой жизни осталось? Ничто.
Был я жарко пылавшей свечой наслажденья.
Все, казалось, — мое. Оказалось — ничто.

67

Если будешь всю жизнь наслаждений искать:
Пить вино, слушать чанг и красавиц ласкать —
Все равно тебе с этим придется расстаться.
Жизнь похожа на сон. Но не вечно же спать!

68

Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон:
Деньги, истину, жизнь — все поставит на кон!
Шариат и Коран — для него не закон.
Кто на свете, скажите, отважней, чем он?

69

В Божий храм не пускайте меня на порог.
Я – безбожник. Таким сотворил меня Бог.
Я подобен блуднице, чья вера – порок.
Рады б грешники в рай – да не знают дорог.

70

Этот мир – эти горы, долины, моря –
Как волшебный фонарь. Словно лампа – заря.
Жизнь твоя – на стекло нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

71

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный – увы! – не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы, – не могу.

72

Ты не очень-то щедр, всемогущий Творец:
Сколько в мире Тобою разбитых сердец!
Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

73

Жизнь – пустыня, по ней мы бредем нагишом.
Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
Ты для каждого шага находишь причину –
Между тем он давно в небесах предрешен.

74

Вместо солнца весь мир озарить – не могу,
В тайну сущего дверь отворить – не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

75

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

76

Так как собственной смерти отсрочить нельзя,
Так как свыше указана смертным стезя,
Так как вечные вещи не слепишь из воска –
То и плакать об этом не стоит, друзья!

77

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

78

Ты не волен в желаньях своих и делах?
Все равно будь доволен: так хочет Аллах!
Следуй разуму: помни, что брненное тело —
Только искра и капля, только ветер и прах...

79

Веселись! Ибо нас не спросили вчера.
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами грешили и пили вчера —
Все за нас в небесах предрешили вчера.

80

Бренность мира узрев, горевать погоди!
Верь: недаром колотится сердце в груди.
Не горюй о минувшем: что было — то сплыло.
Не горюй о грядущем: туман впереди...

81

Если б мог я найти путеводную нить,
Если б мог я надежду на рай сохранить, —
Не томился бы я в этой тесной темнице,
А спешил место жительства переменить!

82

В этом замкнутом круге — крути не крути —
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире — прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

83

Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

84

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно Творец!

85

Двери в рай всемогущий Господь затворил
Для того, кто из глины бутыль сотворил.
Как же быть, Милосердный, с бутылью из тыквы?
Ты об этом, по-моему, не говорил!

86

Заглянуть за опущенный занавес тьмы
Неспособны бессильные наши умы.
В тот момент, когда с глаз упадет завеса,
В прах бесплотный, в ничто превращаемся мы.

87

Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
Вышей истины, скрытой за этой стеной.

88

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
Путь домой находили с грехом пополам.
Но никто из ушедших отсюда навеки
Не вернулся обратно, не встретился нам.

89

Ни от жизни моей, ни от смерти моей
Мир богаче не стал и не станет бедней.
Задержусь ненадолго в обители сей –
И уйду, ничего не узнавши о ней.

90

Ты не слушай глупцов, умудренных житьем.
С молодой уроженкой Тараза вдвоем
Утешайся любовью, Хайям, и питьем,
Ибо все мы бесследно отсюда уйдем...

91

Видит Бог: не пропившись, я пить перестал,
Не с ханжой согласившись, я пить перестал.
Пил – утешить хотел безутешную душу.
Всей душою влюбившись, я пить перестал.

92

Были б добрые в силе, а злые слабы –
Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
Если б в мире законом была справедливость –
Не роптали бы мы на превратность судьбы.

27

93

Тайну вечности смертным постичь не дано.
Что же нам остается? Любовь и вино.
Вечен мир или создан – не все ли равно,
Если нам без возврата уйти суждено?

94

И седых стариков, и румяных юнцов –
Всех одно ожидает в конце-то концов.
Задержаться в живых никому не удастся –
Не помилует смерть ни детей, ни отцов.

95

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
Но не верь ничему – все обманчиво тут.
Поколения смертных придут – и уйдут.
Рви цветы – и тебя в свое время сорвут.

96

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Пей вино и на чанге играй веселей,
Ибо жизнь коротка, ибо нету возврата
Для ушедших отсюда... Поэтому – пей!

97

О кумир! Я подобных тебе не встречал.
Я до встречи с тобой горевал и скучал.
Дай мне полную чарку и выпей со мною,
Пока чарок из нас не наделал гончар!

98

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным — не стоит труда.
Не нужны всемогущему Господу Богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

99

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

100

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

101

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход — не имеют значенья.
Просто муха в окно залетела на миг...

102

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

103

Нищим дервишем ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот,
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот.

104

Снова туча на землю роняет слезу.
Трезвый, этого зрелища я не снесу.
Нынче мы, на траве развалясь, отдыхаем —
Завтра будем лежать под травую, внизу.

705

Жизнь моя тяжела: в беспорядке дела,
Ни покоя в душе, ни двора, ни кола.
Только горестей вдоволь судьба мне дала.
Что ж, Хайям, хоть за это Аллаху хвала!

706

От судьбы мне всегда достаются плевки,
Жизнь слагается воле моей вопреки,
И душа собирается тело покинуть:
«Больно стены жилья, — говорит, — не крепки!»

707

Пей вино! Нам с тобой не заказано пить,
Ибо небо намерено нас погубить.
Развалясь на траве, произросшей из праха,
Пей вино! И не надо судьбу торопить.

708

Все пройдет — и надежды зерно не взойдет,
Все, что ты накопил, ни за грош пропадет.
Если ты не поделишься вовремя с другом —
Все твоё достоянье врагу отойдет.

109

Как нужна для жемчужины полная тьма —
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

110

До того, как мы чашу судьбы изопьем,
Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
Может статься, что сделать глоток перед смертью
Не позволит нам небо в безумье своем.

111

До рождения ты не нуждался ни в чем,
А родившись, нуждаться во всем обречен.
Только сбросивши гнет ненасытного тела,
Снова станешь свободным, как Бог, богачом.

112

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат —
Уходя, не надейся и ты на возврат.

113

Вот лицо мое — словно прекрасный тюльпан,
Вот мой стройный, как ствол кипарисовый, стан.
Одного, сотворенный из праха, не знаю:
Для чего этот облик мне скульптором дан?

114

Если б мне этой жизни причину постичь —
Я сумел бы и нашу кончину постичь.
То, чего не постиг я, в живых пребывая,
Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

115

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
Где утук, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание — где ж?

116

Этой чаше рассудок хвалу воздает,
С ней влюбленный целуется ночь напролет,
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает — и об землю без жалости бьет!

117

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
Кто не помнит утех, не прощает обид.
Пой, покуда у чанга не лопнули струны!
Пей, покуда об камень сосуд не разбит!

118

В сад тенистый с тобой удалившись вдвоем,
Мы вина в пиалу, помолившись, нальем.
Скольких любящих, Боже, в безумье своем
Превратил Ты в сосуд, из которого пьем!

119

Старость – дерево, корень которого сгнил.
Возраст алые щеки мои посинил.
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

120

Нет на свете тиранов злобней и жадней,
Чем земля и жестокое небо над ней.
Распороть бы земле ненасытное брюхо:
Сколько в нем засверкает бесценных камней!

